

Николай Тuroверов (1899 - 1972)

“К родным курганам донесу я клич...”

Перекоп

...Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих, усталых людей.
И запомнил, и помню доныне
Наш последний российский ночлег -
Эти звезды приморской пустыни.
Это синий, мерцающий снег.

Стерегло нас последнее горе
После снежных татарских полей -
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.
Всё иссякнет - и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

Я знаю, не будет иначе,
Всему свой черед и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,
Что здесь мне нельзя ночевать
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.

Крым

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.

А он плыл, изнемогая
Под высокою волной,
Всё не веря, всё не зная.
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою
Конь мой плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода.
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Тоскую, горю и сгораю
В чужой непривольной дали,
Как будто не знал и не знаю
Родной и любимой земли.
Но нужно ль кого ненавидеть
За то, что досталось мне
Лишь в юности родину видеть,
Скача на горячем коне,
Запомнить простор да туманы,
Пожары, разбои и кровь,
И, видя ненужные страны,
Хранить неземную любовь.

Над весенней водой, над затонами,

Над простором казачьей земли,
Точно войско Донское - колоннами
Пролетали вчера журавли.
Пролетая, печально курлыкали,
Был далек их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Казачи в чужедальних краях.

Франции

Жизнь не начинается сначала,
Так не надо зря чего-то ждать;
Ты меня с улыбкой не встречала
И в слезах не будешь провожать.
У тебя свои, родные дети,
У тебя я тоже не один.
Приютившийся на годы эти
Чей-то чужеродный сын.
Кончилась давно моя дорога,
Кончилась во сне и наяву, -
Долго жил у твоего порога,
И еще, наверно, поживу.
Лучшие тебе я отдал годы,
Всё тебе доверил, не тая,-
Франция, страна моей свободы -
Мачеха веселая моя.

Ты с каждым годом мне дороже,
Ты с каждым годом мне родней,
Ты никогда понять не сможешь
Любви безвыходной моей.
Ты не оценишь эту нежность,
Названия которой нет,
Всю обреченность, безнадежность
Моих однообразных лет.
Ты обрекла меня на муку,
Но буду славить вновь и вновь
Я нашу страшную разлуку,
Неразделенную любовь.

Родина

Она придет - жестокая расплата
За праздность наших европейских лет.
И не проси пощады у возврата -
Забывшим родину - пощады нет!
Пощады нет тому, кто для забавы
Иль мести собирается туда,
Где призрак возрождающейся славы
Потребует и крови, и труда,
Потребует любви, самозабвенья
Для родины и смерти для врага;
Не для прогулки, не для наслажденья
Нас ждут к себе родные берега.

Прощайся же с Европою, прощайся!
Похорони бесплодные года;
Но к русской нежности вернуться не пытайся,
Бояся смерти, крови и труда.
1941

Легион

Андрею Грекову

Нам с тобой одна и та же вера
Указала дальние пути.
Одинаковый значок легионера
На твоей и на моей груди.
Все равно, куда судьба не кинет.
Нам до гроба будет сниться сон:
В розоватом мареве пустыни
Под ружьем стоящий легион.

Всегда ожидаю удачи -
В висок, непременно - в висок!
С коня упаду на горячий
Триполитанский песок.
Не даром, не даром все время
Судьба улыбалась мне:
В ноге не запуталось стремя, -
Сумел умереть на коне.

Стерегла нас страшная беда:
Заблудившись, умирали мы от жажды.
Самолеты пролетали дважды,
Не заметили - не сбросили нам льда.
Мы плашмя лежали на песке,
С нами было только два верблюда.
Мы уже не ожидали чуда,
Смерть была от нас на волоске.
Засыпал нас розовый песок;
Но мне снились астраханские арбузы
И звучал, не умолкая, музы,
Как ручей, веселый голосок.
И один из всех я уцелел.
Как и почему? Не знаю.
Я очнулся в караван-сараяе,
Где дервиш о Магомете пел.
С той поры я смерти не хочу,
Но и не боюсь с ней встречи.
Перед смертью я верблюжьёю пил мочу
И запить теперь ее мне нечем.

1940-45

Как когда-то над сгубленной Сечью
Горевал в своих песнях Тарас,-
Призываю любовь человечью,
Кто теперь погорюет о нас?
Но в разлуке с тобой не прощаюсь,

Мой далекий отеческий дом, -
Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком.

Отцу Николаю Иванову

Не георгиевский, а нательный крест,
Медный, на простом гайтане,
Памятью знакомых мест
Никогда напоминать не перестанет;
Но и крест, полученный в бою,
Точно друг и беспокойный, и горячий,
Всё твердит, что молодость свою
Я не мог бы начинать иначе.

Никто нас не вспомнит, о нас не потужит;
Неспешной водой протекают года.
И было нам плохо, и станет нам хуже, -
Покоя не будет нигде, никогда.
Да мы и не ищем спокойного года,
Да нам и не нужен покой:
Свобода еще с Ледяного похода
Для нас неразлучна с бедой.

Баллада

Страшное дело. Черная ночь.
С ведьмой жила черноокая дочь
Дева была холоднее, чем лёд.
А под окошком всю ночь напролет,
Старая ведьма водила коня:
Конь мой потом не глядел на меня.
1953

Не влюбленность, а любовь и жалость,
Не весна, а осень впереди:
Очень кратковременная старость
С очень краткой жизнью позади.
Только жить, как верится и снится,
Только не считать года.
И в Париже, где чудесные больницы,
Не лечиться никогда.
1957

Ты прожил жизнь чудесную Уже
Пора домой, в родные степи,
Рожденному на рубеже
Великолепнейших столетий.

Восемь строчек завещанья
К уцелевшим друзьям, чтоб
В неизбежный день прощанья
Положили мне на гроб
Синеглазую фуражку
Атаманского полка
И прадедовскую шашку
С лентой алой темляка.

1967